

Глава 1. Ожидание. Желание исчезнуть.

(Август. 2012 год. Лиа.)

И снова мы с Томасом оказались в пустом зале ожидания. Его пожелтевшие стены и старый мраморный пол напомнили мне, что за эти годы здесь прошли сотни людей... с теми же надеждами и иллюзиями, что и у нас. И со страхами... Ужасный страх, которого я не могла избежать из-за воспоминаний. Страх, что произойдет то же самое, что и в предыдущие три раза... Я запаниковала, когда сделала первое УЗИ, и там ничего не было. Ни сердцебиения, ни маленькой горошинки, жаждущей расти внутри меня. Мое тело, самое слабое с тех пор, как Уилл покинул меня. Я не могла вынашивать ребенка более месяца... моего сына... Мои отношения с Томасом испортились из-за трех выкидышей в течение первого месяца беременности. Это случилось в последние два года. Проблема была не в том, что я не могла родить ребенка, они не знали, что именно со мной происходит. Поэтому мы не переставали пытаться повторить это снова... сколько бы раз это ни требовалось, мы все еще были молоды. Даже зная о риске того, что потом у нас будут дрожать ноги и мы будем плакать от печали, не услышав сердцебиения, как на первом УЗИ.

—Все будет хорошо, Лиа ... на этот раз да, —сказал Томас со свойственной ему уверенностью. Я кивнула, нервничая... пожав плечами, не желая давать ему слишком много надежд.

Томас смягчился. Я не знаю точно, почему... я предполагаю, что время и жизненные потрясения вызывают у каждого человека разные последствия. Некоторых это может сделать твердыми, как камень, а других - более чувствительными. Исчезновение моего брата вызвало во мне первое чувство. Кроме Томаса, я больше никого не впускала в свою жизнь. Я не хотела грусти, болезненных потерь, страданий. Наверное, в некотором смысле я стала более сдержанной и осторожной, чтобы не страдать. Я отдалилась от своих школьных друзей и друзей детства и часто вспоминала, каким был Уилл... таким своим, таким в своем мире. Я даже поняла то, что он так часто говорил мне: «Лиа, как будто я не принадлежу этому миру».

Иногда я тоже так себя чувствовала.

Потому что все шло слишком быстро, потому что щедрость, принципы и ценности терялись...В моей профессии я видела это каждый день, каждый час. Возможно,, что он имел в виду это..., а может, и нет. Но мой характер, как ни странно, все больше и больше походил на его характер, хотя в те времена это была лишь тень прошлого. Я потеряла свою искру. Моя радость, моя улыбка... все ушло вместе с ним. «Как будто мне вырвали сердце»... это все еще было так, как я сказала Томасу пять лет назад. Я привыкла жить с отсутствием Уилла, но... это продолжало причинять мне боль. Огромную боль.

- Мистер Коллинз, вы можете войти, —предупредила с порога невысокая, очень худая медсестра с каштановыми волосами и коричневым цветом лица.

Мы с Томасом глубоко вздохнули и вошли внутрь. В комнате было темно, холодно и безлично. Не слишком приятное пребывание, чтобы впервые увидеть своего ребёнка на УЗИ... я молилась ... хотя я не верила в Бога или что-то похожее на него,возможно, это было полезно. Нас поприветствовал высокий, крепкий врач приветливого вида, который жестом указал мне лечь.

—Поднимите рубашку, миссис Коллинз, —я ненавидела, когда меня называли миссис. Коллинз. На самом деле я не была замужем за Томасом, поэтому оставалась Нортон. Нортон ... фамилия моего отца, о котором я не имела никаких известий в течение многих лет,если не считать того,

что говорили по телевидению. Он расстался со своей семнадцатой женой, а также решил на время оставить музыку. Одни говорили, что он был на Кубе, другие уверяли, что видели его в Тайланде, где он нашёл духовное убежище... Но что было правдой, так это то, что братья, с которыми я так и не познакомилась, были намного моложе меня; их также бросил наш отец-рокер из-за своего свободного и беспокойного духа. Мне жаль их... и я надеюсь, что однажды они простят его, как научилась это делать я.

—Вам удобно? —спросил доктор, прерывая мои мысли, одновременно размазывая холодный гель по моему животу.

Я кивнула, хмуро глядя на монитор, ожидая увидеть, как маленькая горошинка шевелится внутри меня... желая услышать ее сердцебиение. Мощное, энергичное биение сердца, которое дало бы мне понять, что на этот раз да... на этот раз да...

И снова страх. У меня начали дрожать ноги. Комок в горле овладел мной. Томас нежно взял меня за руку и тоже уставился в монитор. Обнадеженные, мы ждали, что доктор что-то скажет; но мы увидели выражение его лица, которое он начал показывать, сменив любезное выражение лица на озабоченное. И печаль... Не зная, как сообщить нам новость, к которой, к сожалению, мы, казалось, привыкли, он покачал головой. Сердцебиения не было. Там ничего не было. Четвертый ребенок, он решил уйти и не выбирать меня в качестве матери.

—Мне очень жаль, —сказал он, глядя на меня с жалостью.

Нет, еще раз нет. Я больше не могу этого выносить. Я вытерла холодный липкий гель с живота первым попавшимся полотенцем, резко встала и, ничего не говоря, вышла из той холодной комнаты, в которую думала никогда не возвращаться. Томас подбежал сзади, но я даже не могла посмотреть ему в лицо.

- Томас. Я не хочу говорить. Даже с тобой, правда. Я собираюсь прогуляться, я ухожу.... — Я не хотела плакать перед ним. Я не хотела, но... у меня в горле встал невыносимый ком, и слезы начали литься сами по себе.

Томас отпустил меня, и я покинула больницу, ненавидя каждую мать и их детей, всех беременных женщин и свой четвертый плод, который решил от меня отказаться.

Я медленно бесцельно брела по улицам Нью-Йорка. Был август, стояла адская жара, а на улицах было полно туристов, фотографирующих все, что было вокруг. Я видела их взволнованные лица, созерцающие, например, показные небоскребы, и мне просто хотелось закричать. От ярости, от боли... в те минуты я ненавидела Нью-Йорк и его суету. Я заткнула уши. Интенсивное движение и плотное загрязнение затуманили мой мозг, поэтому я решила отправиться в тихий Центральный парк... но в тот день покоя и там не было. Множество туристов, уличных музыкантов, толпы молодых людей, сидящих на лужайках, сосредоточенных художников. В их работах выделялись целующиеся пары, беременные, ласкающие свои выпуклые животы и ласково улыбающиеся своим мужьям...

ДОВОЛЬНО! Уилл... Я хочу видеть Уилла...

Он знал бы, что мне сказать, как утешить меня... дать мне связную причину, по которой я должна оставаться собой, девушкой, которую он знал.

"Я ненавижу этот чертов августовский день... Сегодня я потеряла своего четвертого ребенка. Он мог

бы быть таким же великолепным голубоглазым светловолосым мальчиком, как Уилл... Его бы звали

Уилл. Сегодня день, когда исполняется пять лет со дня исчезновения моего брата... Пять лет я не знаю, что с ним стало... сегодня прошло пять лет с тех пор, как мы похоронили мою отсутствующую мать... неизвестную, подарившую нам жизнь. Прошло уже пять лет... пять медленных и бурных лет»".

Я хотела рассмеяться... но не могла. Опять же, я снова начинала понимать своего брата и знала, что когда он не улыбался, это потому, что он действительно не мог. Может, он и хотел этого, но ... жизнь иногда бывает жестокой. И есть души, особенно самые чувствительные, которые не

могут вынести такой несправедливости.

Я думала о Томасе... о его печальном взгляде, об объятиях, которые я ему не дарила и которые, наверняка, ему были нужны. Придя домой, я, возможно, приготовила бы вкусный ужин и зажгла пару свечей; таким образом создавая теплую и романтическую атмосферу. Чтобы взбодриться... может быть, я даже купила бы пару билетов на какой -нибудь райский остров под предлогом того, что нам нужно успокоиться и отдохнуть. В те моменты единственной правдой было то, что я просто хотела исчезнуть

<http://tl.rulate.ru/book/77502/2332998>